

Лакки Старр и пираты астероидов

Автор:

Айзек Азимов

Лакки Старр и пираты астероидов

Айзек Азимов

Лакки Старр #2

Дэвид Старр еще в детстве лишился родителей, ставших жертвами космических пиратов. Он уцелел и получил лучшее образование в Галактике, став стройным красавцем-спортсменом со стальными мышцами и аналитическим умом первоклассного ученого. К тому же Дэвид стал самым молодым членом Совета Науки, организации, обладающей неограниченными полномочиями. Но при всех своих выдающихся качествах Дэвид Старр, прозванный Счастливымчиком, одержим жадной жаждой приключений, несколько склонен к авантюризму и к тому же обладает недюжинным чувством юмора. А это значит, что Айзек Азимов приготовил нам встречу не со скучным среднестатистическим суперменом, а с настоящим фантастическим героем, следить за историей которого одно удовольствие!

Айзек Азимов

Лакки Старр и пираты астероидов

Isaac Asimov

Lucky Starr and the Pirates of the Asteroids

© Д. Арсеньев, перевод на русский язык, 2018

* * *

Фредерику Полу, логической несообразности – милому агенту

Глава 1. Обреченный корабль

Пятнадцать минут до старта. «Атлас» застыл в ожидании. Гладкие полированные борта космического корабля блестели в ярком земном свете, заполнившем небо Луны. Тупой нос глядел вверх, в пустое пространство. Вакуум окружал его, а под ним простиралась мертвая пемза лунной поверхности. Количество экипажа – ноль. На борту нет ни одного человека.

Доктор Гектор Конвей, глава Совета Науки, спросил:

– Который час, Гус?

Он чувствовал себя неудобно в помещении Совета на Луне. Ему было бы уютнее, находишься он на Земле, на вершине иглы из камня и стали, которую называют Башней Науки. В окне открывался бы вид на Интернациональный Город. Конечно, на Луне пытались создать видимость комфорта. В помещениях – фальшивые окна, а за ними ярко освещенные картины земной жизни, естественно освещенные. Свет за окном в течение дня менялся, соответствуя утру, полудню и вечеру. А в периоды сна за окном все темнело, и свет становился темно-синим. Но для землянина типа Конвея этого было недостаточно. Он знал, что, если разбить стекло, за ним окажутся только раскрашенные миниатюры, а дальше – другое помещение или, может быть, скальные породы Луны.

Доктор Августас Хенри, к которому обратился Конвей, взглянул на часы. Попыхивая трубкой, он проговорил:

– Еще пятнадцать минут. Не о чем беспокоиться. «Атлас» в прекрасной форме. Я сам вчера проверил.

– Знаю. – У Конвея абсолютно седые волосы, и выглядит он старше худощавого Хенри, хотя они ровесники. Он сказал:

– Я беспокоюсь о Счастливице.

– Счастливице?

Конвей застенчиво улыбнулся.

– Боюсь, я перенял привычку. Я говорю о Дэвиде Старре. Сейчас все его так зовут. Ты разве не слышал?

– Счастливик Старр? Счастливик? Прозвище ему подходит. Но где он сам? В конце концов, это его идея.

– Совершенно верно. Такие идеи могут возникать только у него. Думаю, в следующий раз он возьмется за сирианский консулат на Луне.

– Хорошо бы.

– Не шути. Иногда мне кажется, что ты одобряешь его стремление все делать в одиночку. Я потому и прилетел на Луну: присмотреть за ним, а не за кораблем.

– Если ты прилетел за этим, Гектор, ты отлыниваешь от работы.

– Ну не могу же я всюду ходить за ним, как курица за цыпленком. С ним Верзила. Я сказал малышу, что сниму с него кожу живьем, если Счастливик решит в одиночку вторгнуться в сирианский консулат. – Хенри рассмеялся. – Говорю тебе, он это сделает, – проворчал Конвей. – И что всего хуже, выйдет, разумеется, сухим из воды.

– Ну и что?

– Это еще больше подбодрит его, и однажды он чрезмерно рискнет, а он для нас слишком ценен, мы не должны его потерять!

Джон Верзила Джонс, покачиваясь, шел по утоптанной глиняной поверхности и с величайшей осторожностью нес свою кружку пива. Псевдогравитация не распространялась за пределы города, поэтому в районе космопорта приходилось самому справляться с полем тяготения Луны. К счастью, Джон Верзила Джонс родился и вырос на Марсе, где тяготение составляет две пятых земного, так что ему не было особенно трудно. На Марсе он весил бы пятьдесят фунтов, а на Земле сто двадцать. Он подошел к часовому, который, забавляясь, следил за ним. Часовой был в мундире Национальной лунной гвардии и привык к местному тяготению. Джон Верзила Джонс сказал:

– Эй! Не стой так мрачно. Я принес тебе пиво. Выпей!

Часовой удивился, потом с сожалением отказался:

– Не могу. На посту нельзя.

– Ну ладно. Справлюсь сам. Я Джон Верзила Джонс. Зови меня Верзила.

Он доходил часовому только до подбородка, а тот не был особенно высок, но когда Верзила протянул руку, он это делал как бы сверху вниз.

– Меня зовут Берт Уилсон. Ты с Марса? – Часовой взглянул на красно-зеленые полусапожки Верзилы. Только фермер с Марса может оказаться в таких сапогах в космосе.

Верзила с гордостью посмотрел на них.

– А как же. Сижу здесь уже неделю. Великий космос, что за скала эта Луна! Вы, парни, так и сидите, не выходя на поверхность?

– Иногда выходим. По делу. Там не на что смотреть.

– Хотел бы я выйти. Не люблю сидеть в курятнике.

– Вон там выход на поверхность.

Верзила взглянул туда, куда указывал палец сержанта. Коридор, тускло освещенный на удалении от Луна-сити, сужался и переходил в расщелину в стене. Верзила сказал:

– У меня нет костюма.

– Даже если бы захотел, ты не смог бы выйти. Без специального пропуска никому не разрешен выход – на время.

– А почему?

Уилсон зевнул.

– Там готовится к старту корабль. – Он взглянул на часы. – Минут через двенадцать. Может, после этого строгости отменят. Я не знаю, в чем дело.

Покачиваясь на пятках, часовой смотрел, как остатки пива исчезают в глотке Верзилы.

– А где брал пиво? В портовом баре Пэтси? Там много народу?

– Пусто. Слушай, что я тебе скажу. Тебе нужно пятнадцать секунд, чтобы туда добраться. Я постою за тебя и присмотрю, чтобы ничего не случилось.

Уилсон вожделенно посмотрел в направлении бара.

– Лучше не надо.

– Как хочешь.

Никто из них, похоже, не заметил фигуры, прокрадшейся мимо по коридору и исчезнувшей в расщелине, которая вела к прочной двери – выходу на поверхность. Ноги Уилсона сами пронесли его несколько шагов к бару. Потом он сказал:

– Нет! Не стоит!

Десять минут до старта. Это была идея Счастливого Старра. Он находился в кабинете Конвея, когда пришло сообщение, что корабль земного регистра «Уолтхем Захари» был вскрыт пиратами, груз исчез, офицеры превратились в замороженные трупы, а большинство экипажа оказалось в плену. Сам корабль был слишком поврежден, чтобы пираты его захватили. Но все, что можно было с него снять, они сняли, даже инструменты и двигатели. Дэвид сказал:

– Наш враг – пояс астероидов. Сто тысяч скал.

– Больше. – Конвей выплюнул сигарету. – Но что мы можем сделать? Даже когда Земная империя была полна сил, мы не смогли справиться с поясом астероидов. Десять раз отправлялись туда и очищали осиные гнезда, но оставляли достаточно, чтобы они возрождались и причиняли новые беды. Двадцать пять лет назад, когда...

Седовласый ученый замолчал. Двадцать пять лет назад родители Дэвида были убиты в космосе, а сам он, маленький мальчик, в одиночестве блуждал в пространстве. В спокойных карих глазах Счастливого не отразилось никакого чувства.

– Беда в том, что мы даже не знаем, сколько астероидов и где они.

– Естественно. Нужно сто кораблей и сто лет, чтобы пометить все астероиды приличного размера. И даже тогда тяготение Юпитера не перестанет изменять их орбиты.

– Можно попробовать. Пусть до пиратов дойдет слух о картографической экспедиции. Если мы пошлем один корабль, они не будут знать, что это невыполнимая работа, и, побоявшись последствий картографирования, атакуют

его.

– И что тогда?

– Допустим, мы пошлем автоматический корабль, полностью оборудованный, но без экипажа.

– Дорогое удовольствие.

– Оно может оправдаться. Корабль снабдим шлюпками, которые автоматически стартуют, когда приборы корабля зарегистрируют характерные колебания приближающегося гиператомного двигателя. Что сделают пираты?

– Расстреляют шлюпки, возьмут корабль на abordаж и отведут на свою базу.

– На одну из своих баз. Верно. Увидев шлюпки, они не удивятся, не найдя на борту экипажа. Ведь, в конце концов, это безоружный исследовательский корабль. От такого корабля не стоит ждать сопротивления.

– К чему ты ведешь?

– Предположим дальше, что корабль должен взорваться, если температура его корпуса поднимется выше двадцати градусов от абсолютного нуля, а так и будет, если его приведут в ангар на астероиде.

– Ты предлагаешь мину-ловушку?

– Огромную. Она расколлет астероид на части и уничтожит десятки пиратских кораблей. Больше того, обсерватории на Церере, Весте, Юноне или Палладе зарегистрируют вспышку. Тогда мы сможем отыскать уцелевших пиратов и извлечь из них ценную информацию.

– Понятно.

Так началась работа над «Атласом».

Молчаливая фигура в расщелине, ведущей на поверхность, работала с уверенной быстротой. Запечатанные приборы, контролирующие доступ к шлюзу, подались под действием игольного теплового луча. Защитный металлический диск скользнул в сторону. Пальцы в черных перчатках стремительно работали несколько мгновений. Затем диск вернулся на свое место.

Дверь в шлюз раскрылась. Сигнал тревоги на этот раз не прозвучал, проводка за диском была выведена из строя. Фигура вошла в шлюз, дверь за нею закрылась. Перед тем как открыть дверь, ведущую из шлюза в вакуум, человек развернул принесенный с собой гибкий пластик. Он забрался в него. Материал полностью покрыл его тело, только перед глазами осталась прозрачная силиконовая пластина. К поясу был прикреплен маленький цилиндр с жидким кислородом, шланг от него шел к капюшону. Это был полукосмический костюм, предназначенный для краткого пребывания в безвоздушном пространстве; он гарантировал безопасность только на полчаса.

Берт Уилсон, удивленный, покачал головой.

– Ты слышал?

Верзила раскрыл рот.

– Я ничего не слышал.

– Готов поклясться, что закрылась дверь шлюза. Но сигнала тревоги нет.

– А он должен быть?

– Конечно. Всегда следует знать, когда дверь открывается. Сигнал колоколом, когда есть воздух, и светом, когда его нет. Иначе кто-нибудь может оставить дверь открытой и весь воздух из корабля или коридора уйдет.

– Ну хорошо. Но ведь тревоги нет, значит, не о чем и беспокоиться.

– Не уверен.

Низкими прыжками, каждый из которых покрывал двадцать футов в слабом лунном тяготении, часовой по коридору добрался до входа в шлюз. Остановившись на пути у стенной панели, он активировал три ряда флюоресцентных ламп, и все вокруг залил дневной свет. Верзила следовал за ним более неуклюже, рискуя при каждом прыжке приземлиться носом.

Уилсон извлек бластер, осмотрел дверь, потом взглянул вдоль коридора.

- Ты уверен, что ничего не слышал?

- Ничего, - ответил Верзила. - Конечно, я не прислушивался.

Пять минут до нуля. Пемза разлеталась из-под ног человека в полукосмическом костюме,двигающегося к «Атласу». Космический корабль блестел в земном свете, но в безвоздушном пространстве Луны свет ни на миллиметр не проникал в тень хребта, частично скрывавшую корму. Тремя длинными прыжками фигура миновала освещенную часть и скрылась в тени корабля.

Человек на руках поднялся по лестнице, перелетая сразу через десять ступенек. Он добрался до корабельного шлюза. Через мгновение шлюз открылся. На «Атласе» появился пассажир. Один-единственный.

Часовой стоял перед шлюзом и с сомнением смотрел на него. Верзила продолжал болтать.

- Я здесь уже неделю. Должен ходить следом за приятелем и следить, чтобы он не попал в неприятности. Каково это для такого космического бродяги, как я? Даже возможности увильнуть не было...

Измученный часовой сказал:

- Отдохни, друг. Послушай, ты хороший малыш и все такое, но давай в другой раз.

Еще несколько мгновений он смотрел на приборы шлюза.

– Забавно.

Верзила начал зловеще потеть. Его лицо покраснело. Он схватил часового за локоть и развернул его, чуть не уронив при этом.

– Эй, приятель, ты кого это назвал малышом?

– Послушай, уходи!

– Минутку. Давай кое-что выясним. Не думай, что я позволю всякому насмехаться над собой только потому, что я не такой высокий, как сосед. Давай. Попробуем. Поднимай кулаки, иначе я расквашу тебе нос. – Он подпрыгивал и уворачивался.

Уилсон удивленно смотрел на него.

– Что в тебя вселилось? Перестань говорить глупости.

– Испугался?

– Я не могу драться на посту. К тому же я не хотел обидеть тебя. Я занят делом, и мне некогда с тобой возиться.

Верзила опустил кулаки.

– Эй, похоже, корабль стартует.

Звука, разумеется, не было: звук в вакууме не распространяется, но поверхность под их ногами слегка качнулась в ответ на удары ракетных выхлопов, поднимавших корабль.

– Все в порядке. – Уилсон сморщил лоб. – Наверно, не стоит сообщать в рапорте. Во всяком случае, уже слишком поздно. – И он забыл о приборах шлюза.

Старт! Люк выложенной керамическими плитами стартовой шахты раскрылся над «Атласом», и главные двигатели выбросили в шахту свои газы. Медленно и величественно корабль начал подниматься. Скорость его росла. Он прорезал черное небо и превратился в звезду среди множества звезд, а потом исчез совсем.

Доктор Хенри в пятый раз взглянул на часы и сказал:

– Ну, корабль ушел. Должен был уже уйти. – И черенком трубки указал на циферблат.

Конвей предложил:

– Свяжемся с администрацией порта.

Пять секунд спустя они на экране увидели опустевший порт. Стартовая шахта все еще была открыта. Даже в страшном морозе лунной ночи она дымилась. Конвей покачал головой.

– Какой прекрасный был корабль.

– Он все еще прекрасен.

– Я думаю о нем в прошедшем времени. Через несколько дней он превратится в поток расплавленного металла. Это обреченный корабль.

– Будем надеяться, что база пиратов тоже обречена.

Хенри печально кивнул. Они оба повернулись на звук открывшейся двери. Но это был всего лишь Верзила. Он улыбался.

– О ребята, как хорошо в Луна-сити. С каждым шагом чувствуешь, как к тебе возвращается твой вес. – Он топнул и два или три раза подпрыгнул. – Попробуйте сами, – предложил он, – только не ударьтесь о потолок, глупо будете выглядеть.

Конвей нахмурился.

- Ты не знаешь, где Счастливец?

- Да, знаю. Скажите, «Атлас» взлетел?

- Да, - ответил Конвей. - А где же все-таки Счастливец?

- На «Атласе», конечно. Где же ему еще быть?

Глава 2. Паразиты космоса

Доктор Хенри уронил трубку, она подпрыгнула на линолитовом покрытии пола, но он не обратил на это внимания.

- Что?

Конвей покраснел, и его лицо резко контрастировало с белоснежными волосами.

- Это шутка?

- Нет. Он забрался туда за пять минут до старта. Я разговаривал с часовым, парнем по имени Уилсон, и не дал ему вмешаться. Я уже готов был подраться с этим парнем и показал бы ему пару приемов, - он проделал в воздухе один-два резких удара, - но тот струсил.

- Вы позволили ему? И не предупредили нас?

- Как я мог? Я во всем должен подчиняться Счастливику. Он сказал, что должен сесть в последнюю минуту и так, чтобы никто не знал, иначе вы и доктор Хенри помешаете ему.

Конвей простонал:

– Он это сделал. Клянусь космосом, Гус, я должен был не доверять этому марсианину размером с пинту. Верзила, вы глупец! Вы знаете, что корабль – ловушка?

– Конечно. Счастливчик тоже знает. Он велел не посылать за ним корабль, иначе все пойдет насмарку.

– Пойдет насмарку? Через час мы его догоним.

Хенри схватил своего друга за рукав.

– Может, не стоит, Гектор. Мы не знаем его планов, но можно доверять его способности выбираться из любого положения. Давай не вмешиваться.

Конвей откинулся, содрогаясь от гнева и беспокойства.

Верзила продолжал:

– Он добавил, что мы встретимся с ним на Церере, и еще, доктор Конвей, он просил передать, чтобы вы не давали волю своему характеру.

– Вы... – начал Конвей, и Верзила торопливо покинул комнату.

Орбита Марса осталась позади, и солнце заметно уменьшилось. Дэвид Старр любил тишину космоса. После того как он окончил колледж и начал работать в Совете Науки, не поверхность планет, а скорее космос был его домом. «Атлас» – комфортабельный корабль. Он снабжен продовольствием в расчете на полный экипаж, запас был не полон, но это должно было объясняться потреблением по дороге к астероидам. Во всех отношениях корабль должен выглядеть так, будто до самого появления пиратов имел полный экипаж. Счастливчик съел синтобифштекс с дрожжевых полей Венеры, марсианское печенье и бескостного цыпленка с Земли.

«Растолстею», – подумал он, наблюдая за небом. Он находился уже достаточно близко, чтобы рассмотреть крупные астероиды. Видна была Церера, самый большой из них, почти пятисот миль в диаметре. Веста находилась по другую

сторону от Солнца, но Юнона и Паллада тоже были видны. С помощью корабельного телескопа он нашел бы их больше – тысячи, может быть, десятки тысяч. Им нет числа.

Некогда считалось, что между орбитами Марса и Юпитера существовала планета, которая очень давно разорвалась на осколки, но на самом деле этого не было. Злодеем оказался Юпитер. Когда формировалась Солнечная система, гигантское гравитационное поле Юпитера искажало пространство на сотни миллионов миль. Под влиянием тяготения Юпитера космические частицы за орбитой Марса не смогли собраться в единую массу. Вместо этого образовались мириады малых миров. Из них четыре наибольших имеют свыше ста миль в диаметре. Полторы тысячи – от десяти до ста миль. Тысячи (никто точно не знает, сколько) – с диаметром от мили до десяти миль и десятки тысяч – менее мили; впрочем, эти малые астероиды все равно гораздо больше великой пирамиды. Их так много, что астрономы прозвали их «паразитами космоса».

Астероиды разбросаны по всему району между Марсом и Юпитером, каждый движется по своей орбите. Ни одна известная человеку планетная система в Галактике не обладает подобным поясом. В некотором смысле это хорошо. Астероиды послужили промежуточными пунктами для достижения больших планет. Но в чем-то это и плохо. Любой преступник, оказавшийся в поясе астероидов, мог не опасаться быть пойманным, разве что по редчайшей случайности. Никакая полиция не смогла бы обыскать все эти летающие горы. Самые маленькие астероиды не принадлежали никому. На больших располагались обсерватории, самая известная из них – на Церере. На Палладе – бериллиевые шахты, а Юнона и Веста стали главными заправочными станциями. Но, помимо них, оставалось свыше пятидесяти тысяч астероидов значительных размеров, над которыми у Земной империи не было абсолютно никакого контроля. На некоторых из них мог размещаться целый флот, на других – единственный крейсер, и еще оставалось место для запаса питания, воды и топлива на полгода. И их невозможно нанести на карту. Даже в древние доатомные времена, до космических полетов, когда было известно всего полторы тысячи астероидов, этого сделать не удавалось. Их орбиты тщательно рассчитывали при помощи астрономических наблюдений, но все равно астероиды «терялись». Потом их находили вновь, но уже в другом месте.

Дэвид очнулся от раздумий. Чувствительный эргометр воспринимал пульсации космоса. Он находился на контрольном пульте корабля. Прибор был изолирован

от устойчивого потока солнечной энергии, прямой или отраженной от планет. То, что он принимал сейчас, было характерной чередующейся пульсацией гиператомного двигателя. Старр включил эргограф, и приток энергии отразился в ряде линий. Счастливчик рассматривал полоску разграфленной бумаги, и его челюсти сжимались.

Существовала возможность встречи с обычным торговым или пассажирским кораблем, но характер излучения был совсем иной. У приближающегося корабля – двигателя высокого класса, и притом непохожие на земные. Прошло пять минут, прежде чем накопилось достаточно данных для расчета направления движения и расстояния до источника энергии. Старр отрегулировал экран для наблюдений через телескоп, и все его поле заполнилось звездами. Он старательно рассматривал бесконечно молчаливые, бесконечно далекие, бесконечно неподвижные звезды, пока его глаз не уловил движение, а данные различных линий эргометра не слились в сплошной ноль. Это пират. Несомненно! Он видел очертания той его половины, что блестела на солнце. Стройный грациозный корабль, скоростной и маневренный. И к тому же чужой на вид.

«Сирианская конструкция», – подумал Счастливчик. Он следил за медленно выроставшим на экране кораблем. Не за таким ли кораблем следили его отец и мать в последний день их жизни?

Дэвид Старр едва помнил отца и мать, но видел их фотографии и слышал бесконечные рассказы о Лоуренсе и Барбаре Старр от Хенри и Конвея. Они были неразлучными друзьями: высокий серьезный Гус Хенри, холерический упрямый Гектор Конвей и быстрый смешливый Ларри Старр. Они вместе учились в школе, одновременно окончили колледж, поступили в Совет и все назначения выполняли вместе. А потом Лоуренс Старр получил повышение и должен был по делам лететь на Венеру. Так он, его жена и четырехлетний сын оказались на корабле, на который напали пираты. Многие годы Дэвида преследовали мысли о том, каким был последний час на умирающем корабле. Вначале повреждение главного двигателя на корме корабля, пока пираты и их жертва были разделены в пространстве. Затем взрыв шлюзов и абордаж. Команда и пассажиры в скафандрах, чтобы не погибнуть, когда вскроют люки. Экипаж вооружен и ждет. Пассажиры прячутся внутри судна без всякой надежды. Женщины плачут. Дети кричат. Его отец не был среди прячущихся. Он был членом Совета. Он был вооружен и сражался. Дэвид уверен в этом. Одно короткое воспоминание сохранилось в его памяти. Его отец, высокий сильный человек, стоит с

бластером в руке, и на лице редкое для него выражение гнева. Дверь контрольной рубки с грохотом падает, врывается облако черного дыма. И мать, с заплаканным и грязным лицом, которое ясно видно сквозь прозрачный шлем, усаживает его, Дэвида, в шлюпку. «Не плачь, маленький, все будет хорошо...»

Это единственные слова матери, которые он помнит. Затем грохот, и его прижимает к спинке кресла.

Шлюпку нашли через два дня, когда поймали автоматически подаваемый сигнал запроса помощи. Вслед за этим правительство организовало грандиозную кампанию против пиратов астероидов, и Совет вложил в нее все свои силы. Пираты поняли, что убийство одного из членов Совета оборачивается большой бедой. Обнаруженные на астероидах базы были уничтожены, а угроза нападений пиратов сведена к минимуму на двадцать лет. Но Счастливчик часто гадал, нашли ли тот самый пиратский корабль, на котором находились люди, убившие его родителей? Определить это было невозможно.

А теперь угроза возродилась в менее красочном, но гораздо более опасном виде. Пиратство больше не было уделом одиночек. Оно все более походило на организованную борьбу с земной торговлей. Больше того, по манере ведения военных действий Дэвид чувствовал, что за всем этим стоит один мозг, одно стратегическое решение. Он знал, что должен отыскать этот мозг.

Он еще раз взглянул на эргометр. Регистрируемый поток энергии усилился. Встречный корабль находился на расстоянии, на котором космическая вежливость требует обмена обычными посланиями и взаимной идентификации. Кстати, расстояние позволяло пиратам начать враждебные действия. Пол под Старром дрогнул. Это не залп бластеров другого корабля, а отдача отходящих шлюпок. Поток энергии стал достаточно силен, чтобы активировать автоматический контроль шлюпок. Еще толчок. Еще. Пять подряд.

Дэвид внимательно следил за приближающимся кораблем. Пираты часто расстреливают такие шлюпки, отчасти из извращенного желания позабавиться, отчасти чтобы помешать беглецам описать их корабль, если они еще не сделали этого по субэфиру. На этот раз, однако, корабль не обратил на шлюпки никакого внимания. Он приблизился. Выскочили магнитные зажимы и закрепились на корпусе «Атласа»; два корабля оказались прочно скрепленными, их движения в

космосе уравнились. Счастливчик ждал.

Он слышал, как вначале открылся, потом закрылся шлюз. Он слышал звон шагов и звуки снимаемых шлемов, потом голоса. Он не двигался. В дверях появился человек. Шлем и перчатки он снял, но вся его фигура была одета в покрытый льдом космический костюм. Когда костюм из космоса, где почти абсолютный ноль, попадает в теплую и влажную атмосферу корабля, он обычно покрывается льдом. Лед начал таять. Только сделав два шага в рубку, пират заметил Дэвида. Он остановился, на его лице застыло почти комическое выражение удивления. Счастливчик успел заметить редкие черные волосы, длинный нос и белый шрам от носа к губам, который делил верхнюю губу на две неравных части.

Дэвид спокойно выдержал удивленный взгляд пирата. Он не боялся, что его узнают. Активно действующие члены Совета работают тайно, они понимают, что слишком хорошее знакомство с их внешностью заметно уменьшает шансы на успех. Лицо его отца появилось в субэфире только после смерти. С чувством горечи Счастливчик подумал, что, возможно, большая известность предотвратила бы нападение пиратов. Но он знал, что это глупо. К тому времени, когда пираты увидели Лоуренса Старра, было уже слишком поздно останавливать нападение. Дэвид сказал:

– У меня бластер. Использую его, если ты возьмешься за свой. Не двигайся.

Пират открыл рот. Снова закрыл.

Дэвид продолжал:

– Если хочешь позвать остальных, давай.

Пират подозрительно посмотрел на него, потом, не отрывая взгляда от бластера Старра, крикнул:

– Тут парень с пистолем!

Послышался смех, затем кто-то приказал:

– Тихо!

Еще один человек вошел в рубку.

– Отойди, Динго, – сказал он.

Космический костюм он снял и представлял собой совершенно неуместное на корабле зрелище. Одежда его могла быть сшита в самой модной мастерской Интернационального Города и больше подходила для торжественного обеда на Земле. Рубашка выглядела шелковистой, как бывает только у лучших сортов пластекса. Ее радужный цвет, не кричащий, а скорее приглушенный, сливался с цветом брюк, которые плотно облегли ноги, так что если бы не расшитый пояс, они казались бы одним целым с рубашкой. На руке была повязка, соответствующая поясу, на шее – мягкий голубой платок. Кудрявые каштановые волосы завиты и хорошо ухожены. Он был на полголовы ниже Дэвида, но по его поведению молодой советник видел, что любое предположение о мягкости характера, сделанное на основании пижонского костюма, будет неверным. Новоприбывший заговорил приятным голосом:

– Меня зовут Антон. Не опустите ли вы ваш бластер?

Старр спросил:

– И буду застрелен?

– Возможно, через некоторое время, но не сейчас. Я вначале хотел бы вас расспросить.

Дэвид не опустил оружие. Антон добавил:

– Я держу свое слово. – На его щеках появились красные пятна. – Это моя единственная добродетель среди тех, что люди считают добродетелями, но ее я держусь крепко.

Счастливчик отдал бластер, и Антон передал его другому пирату.

– Возьми, Динго, и убирайся отсюда. – Он повернулся к Старру. – Другие пассажиры улетели в шлюпках? Верно?

Дэвид сказал:

- Это ловушка, Антон...

- Капитан Антон, пожалуйста. - Он улыбнулся, но ноздри его раздулись.

- Это ловушка, капитан Антон. Очевидно, вы знаете, что на борту не было ни экипажа, ни пассажиров. Вы знали это, еще не ступив на борт.

- На самом деле? Откуда вы это взяли?

- Вы приблизились к кораблю без сигналов и предупреждающих выстрелов. Вы не ускорялись. Вы игнорировали стартовавшие шлюпки. Ваши люди вошли в корабль спокойно, как будто не ожидали сопротивления. У человека, который первым вошел сюда, бластер был в кобуре. Выводы очевидны.

- Хорошо. А вы что делаете на корабле без экипажа и пассажиров?

Старр решительно ответил:

- Я прибыл сюда, чтобы увидаться с вами, капитан Антон.

Глава 3. Дуэль на словах

Выражение лица Антона не изменилось.

- Ну вот вы и встретились со мной.

- Но не один на один, капитан. - Счастливчик медленно растянул губы в улыбке.

Антон быстро оглянулся. Свыше десяти его людей, в космических костюмах на разной стадии их снятия, набились в рубку и слушали с интересом. Капитан слегка покраснел. Он повысил голос:

– А ну, подонки, займитесь своими делами. Мне нужен полный отчет о состоянии корабля. И держите оружие наготове. На борту могут быть еще люди, и, если кого-нибудь из вас поймают, как Динго, я вышвырну его в шлюз.

Началось медленное сдержанное передвижение наружу.

Голос Антона перешел в крик:

– Быстро! Быстро! – Одно движение, и в руке его оказался бластер. – Стреляю при счете три. Один... два...

Никого не осталось. Антон снова взглянул на Дэвида. Глаза его блеснули, и воздух порывисто вырывался изо рта.

– Дисциплина – великое дело, – выдохнул он. – Они должны бояться меня. Бояться больше, чем пленения Земным флотом. Тогда у корабля один мозг и одна рука. Мой мозг и моя рука.

«Да, – подумал Счастливчик, – один мозг и одна рука. Но чьи? Твои?»

На лицо Антона вернулась улыбка, мальчишеская, дружеская и открытая.

– Теперь говорите, что вы хотели.

Дэвид пальцем указал на бластер капитана, все еще обнаженный и готовый к действию, и улыбнулся так же.

– Имеете желание пристрелить меня? Давайте, и покончим с этим.

Антон был потрясен.

– Великий космос! Вы хладнокровный человек. Я стреляю, когда хочу. Так мне больше нравится. Как ваше имя?

Бластер по-прежнему был нацелен на Счастливчика.

– Уильямс, капитан.

– Вы высокий человек, Уильямс. И кажетесь сильным. Но стоит мне нажать пальцем, – и вы мертвы. Я считаю это очень поучительным. Два человека и один бластер – в этом весь секрет власти. Вы когда-нибудь думали о власти, Уильямс?

– Иногда.

– Вам не кажется, что в ней единственный смысл жизни?

– Может быть.

– Я вижу, вам не терпится перейти к делу. Начнем. Почему вы здесь?

– Я слышал о пиратах.

– Мы люди астероидов, Уильямс. Никаких других названий.

– Это мне подходит. Я прилетел, чтобы присоединиться к людям астероидов.

– Вы мне льстите, но мой палец по-прежнему на курке бластера. Почему вы хотите присоединиться к нам?

– Все возможности на Земле закрыты, капитан. Человек, подобный мне, не может быть бухгалтером или инженером. Я мог бы даже управлять фабрикой или возглавлять собрания держателей акций. Не имеет значения. Все это рутина. Я знал бы свою жизнь с начала до конца. Ни приключений, ни неопределенности.

– Вы философ, Уильямс. Продолжайте.

– Есть, конечно, колонии, но меня не привлекает жизнь фермера на Марсе или смотрителя чанов на Венере. Меня привлекает жизнь на астероидах. Вы живете трудно и опасно. Тут человек может добиться власти, как вы. Вы сами сказали, что власть – единственный смысл жизни.

– И вы спрятались на пустом корабле?

– Я не знал, что он пустой. Мне нужно было где-то спрятаться. Законное космическое путешествие стоит дорого, а билеты в пояс астероидов в наши дни не продают. Я знал, что этот корабль – часть картографической экспедиции. Дошли слухи, что он направляется к астероидам. Поэтому я ждал почти до старта. Когда все готовились к взлету, а люки еще были открыты, мой приятель отвлек внимание часового. Я думал, что мы остановимся на Церере: она должна быть главной базой астероидной экспедиции. Мне казалось, что оттуда я доберусь до места без труда. Экипаж составят астрономы и математики. Забери у них очки – и они ослепнут. Направь на них бластер – и они умрут или испугаются. На Церере я мог бы связаться с пи... с людьми астероидов. Очень просто.

– Но на борту вас ждал сюрприз. Верно? – спросил Антон.

– Еще бы. Никого на борту, и, прежде чем я это понял, корабль взлетел.

– А к чему бы это, Уильямс? Как вы считаете?

– Не знаю. Не могу понять.

– Ну что ж, посмотрим, не найдем ли разгадку вместе. – Он указал бластером на выход и резко сказал: – Пошли!

Глава пиратов вышел из рубки в длинный центральный коридор корабля. Из двери впереди вышло несколько человек. Они обменивались негромкими замечаниями, но все замолчали при виде Антона. Антон приказал:

– Подойдите.

Все приблизились. Один из них тыльной стороной руки вытер седые усы и сказал:

– Никого на борту, капитан.

– Хорошо. Что вы о нем думаете?

Пиратов было четверо. Но постепенно их количество росло, присоединялись все новые. Голос Антона стал резким.

- Что вы думаете о корабле?

Вперед протиснулся Динго. Он снял костюм, и теперь Дэвид мог разглядеть его. Широкий, тяжелый, руки слегка согнуты и свисают с мускулистых плеч. На пальцах пучки черных волос, шрам на верхней губе дергается. Он, не отрывая взгляда от Старра, ответил:

- Мне не нравится.

- Тебе не нравится корабль? - резко спросил Антон.

Динго колебался. Он расправил плечи, выпрямил руки.

- Воняет.

- Как это? Что ты хочешь сказать?

- Я мог бы разобрать его консервным ножом. Спросите остальных, они согласятся. Эта клетка скреплена зубочистками. Продержится не больше трех месяцев.

Послышался одобрителный ропот. Человек с седыми усами добавил:

- Прошу прощения, капитан, но проводка местами держится только на изоляции. Плохая работа. Изоляция кое-где прогорела.

- Вся сварка сделана в спешке, - заметил другой. - Вот такие щели, - он показал толстый грязный палец.

- Как насчет ремонта? - поинтересовался Антон.

Динго ответил:

- Потребуется целый год и еще воскресенье. Не стоит труда. Да мы и не можем это сделать здесь. Придется брать на одну из скал.

Антон повернулся к Дэвиду и вежливо объяснил:

- Мы всегда называем астероиды скалами, понимаете?

Счастливец кивнул.

Антон продолжал:

- По-видимому, мои люди считают, что им не летать в этом корабле. И как вы думаете, зачем Земное правительство отправило пустой корабль, к тому же так плохо собранный? Как добычу для пиратов?

- Я недоумеваю все больше и больше, - сказал Дэвид.

- Продолжим обследование.

Антон пошел первым, Счастливец за ним. Остальные молча двигались сзади. Старр ощущал мурашки на затылке. Антон шел прямо и бесстрашно, как будто не ожидал нападения Счастливика. Конечно, он не ожидает. За Счастливиком достаточно вооруженных людей.

Они осмотрели маленькие помещения, сконструированные с величайшей экономией: компьютерное помещение, маленькая обсерватория, фотолаборатория, камбуз и каюты. Потом перешли на нижний уровень по узкой изогнутой трубе, которую в поле псевдогравитации можно было настраивать как ведущую и «вверх» и «вниз». Дэвиду велели спускаться первым, Антон последовал за ним так близко, что Старр едва успел увернуться (его ноги слегка подгибались от неожиданно вернувшейся тяжести) от сапог капитана. Жесткие тяжелые космические сапоги миновали его лицо на расстоянии дюйма. Сохранив равновесие, Старр гневно повернулся, но Антон приятно улыбался, его бластер был нацелен прямо в сердце Дэвида.

- Тысяча извинений, - сказал он. - К счастью, вы весьма проворны.

- Да уж, - пробормотал Счастличик.

На нижнем уровне располагались двигатели и энергоустановки. Тут же были пустые ангары шлюпок, запасы пищи, воды, топлива, освежители воздуха, атомная экранировка. Антон негромко спросил:

- Ну, и что вы об этом думаете? Может быть, все низкосортное, но ничего необычного я не вижу.

- Трудно сказать, - ответил Старр.

- Но вы прожили на корабле несколько дней.

- Конечно, но я не разглядывал его. Просто ждал, пока он придет куда-нибудь.

- Понятно. Ну что ж, вернемся на верхний уровень.

Дэвид опять путешествовал по трубе первым. На этот раз он легко приземлился и с грацией кошки отпрыгнул на шесть футов. Прошли секунды, прежде чем из трубы появился Антон.

- Нервничаете? - спросил он.

Счастличик вспыхнул.

Один за другим появлялись пираты. Антон не стал дожидаться всех, а пошел по коридору.

- Знаете, - сказал он, - можно подумать, что мы осмотрели весь корабль. Большинство людей сказал бы так. А вы?

- Нет, - спокойно ответил Дэвид, - мы еще не были в душевой.

Антон нахмурился, приятное выражение покинуло его лицо, место его занял гнев, но тут же исчез. Антон поправил прическу и с интересом взглянул на свою руку.

– Что ж, заглянем и туда.

Пираты свистнули или удивленно воскликнули, когда открылась соответствующая дверь.

– Прекрасно, – пробормотал Антон. – Прекрасно. Роскошно, я бы сказал.

Действительно! Сомнений в этом не было. Три душа, приспособленных для мытья (теплая вода) и закаливания (горячая и ледяная); с полдюжины раковин для умывания, хромированных, с углублением для шампуня; установки для сушки волос; игольные стимуляторы кожи. Не было упущено ничего из необходимого.

– Тут нет ничего второсортного, – отметил Антон. – Как шоу в субэфире, а, Уильямс? Что вы на это скажете?

– Я в затруднении.

Улыбка Антона исчезла, как космический корабль, пролетевший по экрану.

– А я нет. Динго, подойди сюда.

Глава пиратов обратился к Старру:

– Простая проблема. Мы имеем корабль, сляпанный на скорую руку. На нем никого. Все делалось в спешке. А ванная по последнему слову. Почему? Просто для того, чтобы здесь было как можно больше труб. А это для чего? Чтобы мы не заподозрили, что одна или две из них поддельные... Динго, которая из них?

Динго пнул одну.

– Не пинайся, ублюдок! Разбери ее.

Вспыхнуло микротепловое ружье. Динго отвел проводку.

– Что это, Уильямс? – спросил Антон.

– Провода, – кратко ответил Дэвид.

– Я вижу, болван. – Капитан неожиданно разъярился. – Что еще? Я вам скажу, что еще. Проводка должна взорвать весь атомит на борту корабля, как только мы приведем его на базу.

Счастливчик отпрянул.

– Откуда вы знаете?

– Удивлены? Вы не знали, что это большая мина? Не знали, что мы должны были бы отвести корабль на ремонт? Не знали, что вместе с базой должны были превратиться в огненную пыль? Вы здесь наживка, чтобы мы были по-настоящему одурачены. Только я не дурак!

Его люди придвинулись ближе. Динго облизал губы.

Антон резко поднял бластер, и в глазах его не было и тени милосердия.

– Подождите! Великая Галактика, подождите! Я об этом ничего не знаю. Вы не имеете права расстреливать меня без причины. – Он напрягся для последнего прыжка, для предсмертной схватки.

– Не имеем права? – Антон неожиданно опустил бластер. – Как вы смеете так говорить? На борту у меня все права.

– Вы не должны убивать полезного человека. Людям астероидов такие нужны. Не выбрасывайте одного из них.

Некоторые пираты одобрительно зашумели. Послышался голос:

– У него хорошая начинка, капитан. Мы смогли бы...

Голос замер, как только Антон повернулся.

Антон вернулся к Старру.

- А что делает вас полезным человеком, Уильямс? Отвечайте, и я подумаю.

- Я сражусь с любым из вас. На кулаках или на любом оружии.

- Да? - Антон оскалил зубы. - Вы это слышали, ребята? - Послышался подтверждающий рев. - Вы бросаете нам вызов, Уильямс. Любое оружие, а? Хорошо. Выберетесь живым, и вас не расстреляют. Я подумаю, не сделать ли вас членом моего экипажа.

- Ваше слово, капитан?

- Мое слово. Я его никогда не нарушаю. Экипаж слышал меня. Если выйдете живым.

- С кем я буду сражаться?

- С Динго. Он хороший человек. Всякий, кто его победит, очень хороший человек.

Счастливчик взглядом измерил огромную глыбу хрящей и мускулов, стоящую перед ним, и уныло согласился с капитаном. Глаза Динго блестели от предвкушения. Дэвид спросил:

- Какое-либо оружие? Или на кулаках?

- Оружие! Точнее - толчковые пистолеты. Толчковые пистолеты в открытом космосе.

На мгновение Старру трудно было сохранить спокойствие. Антон улыбнулся:

- Вы боитесь, что испытание недостойно вас? Не бойтесь. Динго лучше всех управляется с толчковым пистолетом во всем флоте.

Сердце Счастливчика упало. Дуэль на толчковых пистолетах требует искусства. Очень большого! Когда он занимался этим в колледже, это был спорт. Когда схватываются профессионалы, это смертельно. А он не профессионал!

Глава 4. Дуэль на деле

Пираты столпились на наружной поверхности «Атласа» и своего собственного корабля сирианской постройки. Некоторых удерживали магнитные подошвы башмаков. Другие, чтобы лучше видеть, повисли в пространстве, прикрепленные к корпусу магнитными кабелями. В пятидесяти милях друг от друга находились два шара-гола из металлической фольги. На борту фольга в свернутом виде занимала не больше трех квадратных футов, а в пространстве раскрывалась в стофутовые тончайшие поверхности из бериллиево-магнезиумного сплава. Не затененные в великой пустоте космоса, шары вращались, и отражение солнца от их поверхности видно было на многие мили.

– Правила вы знаете, – громко послышался в наушниках Старра, очевидно и Динго тоже, голос Антона.

Дэвид видел одетую в скафандр фигуру противника как солнечную точку в миле от него. Шлюпка, привезшая их, двигалась назад, к пиратскому кораблю.

– Вы знаете правила, – доносился голос Антона. – Тот, кого вытолкнули за пределы его площадки, проиграл. Если никого не вытолкнут, проигрывает тот, у кого раньше истощится заряд толчкового пистолета. Никаких ограничений во времени. Нет положения вне игры. У вас пять минут для подготовки. Использовать толчковые пистолеты только после моей команды.

«Нет положения вне игры», – подумал Счастличик. Он выдал свою цель. Толчковые дуэли как легальный спорт обычно проводятся на расстоянии не более ста миль от астероида по крайней мере пятидесяти миль в диаметре. В таком случае игроки испытывают пусть слабое, но определенное тяготение. Его недостаточно, чтобы помешать подвижности. Но его вполне достаточно, чтобы отыскать дуэлянта с истощенным зарядом пистолета в космосе. Даже если его не подберет спасательная шлюпка, ему нужно только потерпеть несколько часов, от силы один-два дня, и тяготение приведет его на поверхность астероида.

Здесь же поблизости на сотни тысяч миль нет ни одного астероида. Толчок будет продолжаться бесконечно. И скорее всего закончится в Солнце, много времени спустя после того, как неудачливый дуэлянт погибнет от отсутствия

кислорода. В таких условиях обычно, когда один из соперников выходит за определенные пространственные границы, объявляется положение вне игры и противников возвращают на место. Сказать «нет положения вне игры» – все равно что сказать «дуэль до смерти».

Голос Антона четко и ясно слышался через мили пространства, разделяющие его и приемник в шлеме Старра. Он произнес:

– Две минуты до начала. Включите световые сигналы.

Дэвид опустил руку и нажал кнопку на груди. Цветная металлическая фольга, ранее намагниченная, сейчас развернулась над его шлемом. Это был миниатюрный гол. Фигура Динго, которая раньше казалась лишь светлой точкой, превратилась в большой красный сигнал. Его собственный сигнал, Счастливчик это знал, ослепительно зеленый. А большие голы белые. Даже в эти мгновения частью мозга Дэвид продолжал обдумывать ситуацию. С самого начала он попытался возразить:

– Послушайте, я согласен, понимаете? Но пока мы будем забавляться, могут подойти правительственные корабли...

Антон презрительно рявкнул:

– Забудьте о них. Ни один патрульный корабль не зайдет так далеко в скалы. У нас в пределах вызова сто кораблей и тысяча скал, где мы можем укрыться. Надевайте костюм.

Сотня кораблей! Тысяча скал! Если это правда, пираты ни разу не показывали полностью свою силу. Что происходит?

– Осталась минута! – донесся через пространство голос Антона. Старр решительно извлек два своих толковых пистолета. Это были предметы L-образной формы, присоединенные пружинистой гибкой трубкой к похожему на пончик цилиндру с газом (жидкой двуокисью углерода под большим давлением). Цилиндр был прикреплен к его поясу. Когда-то соединительная трубка делалась из металла. Металл крепче, но и массивнее, поэтому он добавлял инерционную массу. А в толковых дуэлях очень важно целиться и стрелять быстро. Когда изобрели силикон, способный сохранять гибкость при космических температурах

и не делаться липким под прямыми лучами солнца, повсеместно стали использовать этот более легкий материал.

- Можно стрелять! - выкрикнул Антон.

Мгновенно выстрелил один из пистолетов Динго. Жидкая двуокись углерода вырвалась из иглоподобного отверстия и превратилась в газ. В шести дюймах от жерла газ застывал линией крошечных кристаллов, и линия эта растягивалась на мили. Кристаллы летели в одну сторону, Динго - в противоположную, как космический корабль на ракетных двигателях в миниатюре. Трижды вспыхивала кристаллическая линия и таяла, удаляясь. Она была направлена в космос прямо от Счастливого. Динго набирал скорость, приближаясь к нему. Видимое положение обманчиво. Видно было только, как ярче стал сигнал Динго, но Старр знал, что расстояние между ними быстро сокращается. Чего ожидать и какую защитную стратегию выбрать, он не знал. Ему нужно было, чтобы намерения противника стали яснее.

Динго был уже достаточно близко, чтобы можно было рассмотреть человеческую фигуру с головой и четырьмя конечностями. Он двигался мимо и не делал попыток изменить свой курс. Казалось, он намерен оставаться слева от Дэвида. Тот продолжал ждать. Крики, звучавшие в микрофонах, стихли. Хотя соперники были далеко, наблюдатели видели их световые сигналы и вспышки линий. «Они чего-то ждут», - подумал Счастливчик. Все произошло неожиданно.

Вспышка двуокиси углерода, еще одна справа от Динго, и линия его полета резко сместилась в сторону молодого советника. Дэвид приготовил свой пистолет, чтобы выстрелить вниз и избежать сближения. «Это самая безопасная стратегия, - подумал он, - двигаться как можно меньше и сберегать двуокись углерода». Но Динго не продолжил свой полет к противнику. Он выстрелил прямо перед собой и начал уменьшаться. Старр следил за ним и слишком поздно уловил блеск струи. Линия двуокиси углерода двигалась прямо вперед, а Счастливчик - налево, и в определенный момент они встретились. Он почувствовал сильный удар в плечо.

Кристаллы двуокиси углерода крошечные, но они растягиваются на мили и двигаются с большой скоростью. В мгновение они все ударились о костюм Дэвида. Костюм задрожал, послышались возбужденные крики.

– Попал, Динго!

– Что за выстрел!

– Прямо к голу! Вы только поглядите!

– Прекрасно! Прекрасно!

– Смотрите, как вертится этот шут гороховый!

Были и другие возгласы, более сдержанные. Счастливчик вращался, вернее, ему казалось, что небо и звезды вращаются вокруг него. Мимо прозрачной лицевой пластины его шлема звезды проносились белыми полосками, как будто они сами были кристалликами двуокиси углерода. Он не видел ничего, кроме этих многочисленных полосок. Казалось, что удар на несколько мгновений отнял у него способность думать.

Удар в солнечное сплетение и другой – в спину послали его еще дальше по траектории в пустое пространство. Он должен что-то предпринять, иначе Динго будет гонять его, как футбольный мяч, по всей Солнечной системе. Прежде всего остановить вращение и сориентироваться. Он вращался по диагонали, через левое плечо и правое бедро. Нацелив толчковый пистолет в направлении, противоположном вращению, Дэвид выпустил струю двуокиси углерода. Звезды замедлили свой полет и превратились в сверкающие точки. Небо вновь стало знакомым небом космоса.

Одна звезда оставалась слишком яркой. Дэвид знал, что это его гол. Почти напротив виднелся гневно-красный сигнал Динго. Старр не мог позволить вытеснить себя за пределы гола, иначе дуэль будет окончена и он погибнет. Миля за гол – таково стандартное правило прекращения дуэли. Но, с другой стороны, он не должен и сближаться с противником. Он поднял пистолет прямо над головой, нажал кнопку и держал так. Отсчитал минуту, прежде чем разжал палец, и все шестьдесят секунд чувствовал давление на шлем. Он стремительно двигался вниз. Отчаянный маневр. В одну минуту он выбросил почти половину своего запаса двуокиси углерода.

Динго хрипло крикнул:

– Грязный трус! Желтокожий кривляка!

Крики аудитории взвились до неба.

– Как он улепetyвает!

– Он прошел мимо Динго. Динго, покажи ему!

– Эй, Уильямс, не увивай!

Счастливчик снова увидел красное пятно – сигнал своего врага. Он должен продолжать двигаться. Больше ничего не остается. Динго – профессионал, он попадет в пролетающий мимо дюймовый метеорит. А он сам, печально подумал Дэвид, на расстоянии мили не попадет и в Цереру. Попеременно используя свои пистолеты, Счастливчик стрелял налево, направо, затем быстро направо, налево и снова направо.

Никакого результата. Как будто Динго предвидел его действия, он двигался следом неотвязно, срезая углы. Дэвид почувствовал пот на лбу и вдруг понял, что больше не слышит криков. Он не помнил точно, когда они прекратились, но как будто оборвали нить. Одно мгновение слышались крики и смех пиратов, а в следующее – мертвая тишина космоса. Он вылетел за пределы досягаемости радиосвязи? Невозможно! Радиопередатчики космических костюмов, даже простейшего типа, передадут его голос на тысячи миль в космосе. Он перевел рычаг громкости до максимума.

– Капитан Антон!

Но ответил грубый голос Динго:

– Не кричи. Я тебя слышу.

Счастливчик сказал:

– Перерыв. У меня что-то с радио.

Динго был достаточно близко, чтобы рассмотреть очертания человеческой фигуры. Вспышка, и он еще ближе. Дэвид отодвинулся, но пират последовал за ним.

– Все в порядке, – сказал Динго. – Просто повреждение в радио. Я ждал. Ждал. Давно мог выбить тебя за гол. Но ждал, пока перестанет работать радио. Транзистор маленький. Я повредил его перед тем, как ты надел костюм. Можешь по-прежнему говорить со мной. Действует на одну-две мили. Вернее, пока можешь говорить со мной. – И он громко рассмеялся своей шутке.

Счастливчик сказал:

– Не понимаю.

Голос Динго стал резким и грубым.

– Ты застал меня на корабле с бластером в кобуре. Захватил меня врасплох. Сделал из меня дурака. Никто не может захватить меня врасплох, выставить дураком перед капитаном и долго жить после этого. Я не хочу, чтобы ты проиграл и кто-то другой тебя прикончил. Я сам прикончу тебя. Сам!

Динго был совсем близко. Старр почти видел его лицо за пластиной шлема.

Дэвид перестал увертываться. Его постоянно переигрывают. Он подумал, не полететь ли прямо на самой большой скорости, какую сможет развить. А что потом? И удовлетворит ли его такая смерть, в бегстве?

Надо сражаться. Он прицелился. Но когда линия кристаллов пролетела там, где мгновение до этого находился Динго, его уже не было. Счастливчик попытался еще и еще, но Динго ускользал, как летающий демон. Вдруг Дэвид почувствовал удар пистолета противника и снова закружился. Он отчаянно пытался остановить вращение, но прежде чем смог это сделать, тело противника ударило о его тело. Динго крепко обхватил его.

Шлем к шлему. Пластина к пластине. Счастливчик смотрел на белый шрам, разрезающий верхнюю губу пирата. Шрам растянулся: Динго улыбался.

- Привет, приятель, - сказал он. - Рад с тобой встретиться.

На мгновение Динго, казалось, отделился, развел руки, но ноги его продолжали крепко удерживать противника, лишая его подвижности. Стальные мускулы Старра напряглись, он попытался освободиться - безуспешно. Частичное отступление освободило Динго руки. Он высоко поднял одну, держа пистолет рукоятку вниз, и опустил прямо на лицевую пластину Дэвида. Голова Старра дернулась от неожиданного удара. Безжалостная рука взметнулась снова, а вторая обхватила Дэвида за шею.

- Не двигай головой, - фыркнул пират. - Я сейчас кончу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/azimov_ayzek/lakki-starr-i-piraty-asteroidov

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)